

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ РЕФОРМ 1861 г.

Аннотация. Работа посвящена выявлению проблемы собственности накануне и в ходе реформ 1861 г. как составной части формирования в России гражданского общества и рыночной системы хозяйствования. В исследовании делается упор на изучении степени осознания права собственности российским обывателем – крестьянином и мелкопоместным дворянином. При этом автор стремится показать, насколько российское общество было готово к социально-экономическим переменам; была ли потребность быть собственником и насколько она превратилась в необходимость.

Ключевые слова: собственность, частная собственность, реформа, дворянское землевладение, крестьянское землевладение.

Abstract. Work is devoted the analysis of a problem of the property on the eve of reforms of 1861. The ownership is considered as a component of formation of a civil society and a lawful state. Are compared understanding of the property by peasants and noblemen Are analyzed not only distinctions, but also similarities in understanding of the property.

Keywords: the property, private property, reform, landed property of noble family, peasant land ownership.

Великие реформы, начатые в 1861 г., все чаще рассматриваются как комплексный процесс модернизации общественной жизни Российской империи. Однако огромная историография, посвященная этим реформам, не смогла до конца ответить на вопрос о степени и формах взаимодействия государства, общества и личности того периода. Поэтому сегодня необходимо найти такую тему исследования, которая бы смогла объединить, а не разобщить анализ трансформации различных социальных групп российского общества, показать реакцию обычного человека на ход глобальных исторических процессов.

Одним из таких системных узлов отечественной истории является вопрос о праве собственности.

В широком смысле, вопрос о собственности – это вопрос о власти. Признавая субъект собственником, государство предлагает ему комплекс правомочий, благодаря которым он может воздействовать на окружающих с целью наиболее эффективного использования или распоряжения собственностью, иными словами, делегирует часть властных полномочий. Одновременно с этим государство возлагает на него определенный объем обязательств и ответственности, что связано с источником права собственности – имуществом и имущественными правами.

Очерчивая границы дискуссии, отметим, что проблему собственности нельзя искусственно сужать, сводя ее только к правоотношениям между субъектом и имуществом. Нельзя забывать, что через собственность человек определяет свое место в окружающем мире, отграничивает свое «Я» от коллективного «Мы», одновременно устанавливая или принимая правила взаимодействия с социумом.

Вместе с тем исследователь обязан помнить, что иногда субъекту при-сущ перенос личностных свойств на объект собственности – согласно Гегелю перенос своего собственного в иное. При этом лозунг о священности и неприкосновенности собственности начинает пониматься буквально, ибо, проникая в пределы собственности, посторонний попадает в суверенную среду личности.

В середине XIX в. эти деформации в определении собственности возникли вслед за определенной идеализацией крестьянства как носителя особого типа права, хозяйствования и, в конечном итоге, особого типа мировоззрения. Изначально эта идеализация возникла вследствие отсутствия информации об особенностях крестьянского обычного права, а впоследствии стала использоваться и в идеологических целях.

Помимо непосредственно крестьянской темы, широкий спектр обсуждения вопросов собственности был попыткой российской общественности освоить ту *terra incognita*, которая образовалась с вовлечением данного института в повседневную хозяйственную, правовую, политическую и интеллектуальную жизнь.

Таким образом, феномен собственности – это комплексное понятие, характеризующееся набором правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом, а также имущественными правами и обязанностями. Собственность интегрирует субъекта в систему общественных отношений и требует государственной легализации.

Конечно, проблема собственности важна не только сама по себе, но и в контексте качественного изменения статуса отдельной личности – как в социальном, так и в экономико-правовом плане. Развитие рыночных отношений в Европе, интенсификация производства, складывание мирового рынка потребления – эти и другие факторы поставили вопрос о повышении личной инициативы обывателя, о вовлечении его не только в простые товарно-денежные отношения (производство–потребление), но и в сложную систему рыночного хозяйствования. Поэтому, говоря о собственности, необходимо уяснить, насколько общество было готово к переменам и насколько эти перемены отвечали чаяниям различных социальных групп; была ли потребность быть собственником и насколько она превратилась в необходимость.

Отечественная историография определила несколько базисных установок в методологии исследования, которые применялись в отношении проблемы собственности:

1) крестьянское понимание собственности основывалось на трудовом принципе;

2) крестьяне не были вовлечены в систему государственного гражданского права, поэтому принцип частной собственности на землю «...входил в сознание русского крестьянина вначале как покушение со стороны помещика на его древнейшее право, проистекавшее из сращенности земледельца с обрабатываемой землей» [1]; крестьяне тяготели к так называемому «черному переделу» – внеправовому перераспределению земли;

3) дворяне, несмотря на свою осведомленность и вовлеченность в отношения собственности, были не только (а может, и не столько) собственниками, сколько «правительственными агентами», получившими частную собственность на имущество в ее истинном понимании только после 1861 г. При этом интересы дворян в целом были антагонистичны интересам крестьян в отношении перспектив развития права собственности.

На основании этих установок можно сделать вывод о том, что, по мнению исследователей, накануне 1861 г. право собственности не было проблемой первостепенной важности для общества. Создается впечатление, что оно было поставлено перед фактом вовлечения в отношения собственности, потому что власть вплотную подошла к необходимости делегирования обывателю значительной части своих полномочий, т.к. это являлось главным условием эволюции социально-экономической и политической системы страны. Однако именно тема собственности стала ключевой темой общественных дискуссий на протяжении последующих пятидесяти лет, а также центральной проблемой последующих преобразований, чего не могло бы быть, если бы данная тема не затрагивала самих основ общественного и личностного мироустройства того периода.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть вышеприведенные историографические константы, необходимо определить статус основных фигур реформ и выявить их отношение к собственности как к механизму реализации своих социально-хозяйственных целей.

Нельзя упускать из виду, что крестьянство в своей массе не было единым. Согласно Закону о состояниях Свода законов Российской империи, существовало четыре категории сельских обывателей: водворенные на землях владельческих; водворенные на землях казенных (различные категории государственных крестьян); водворенные на землях удельных; водворенные на собственных землях.

В отношении каждой категории существовал свой законодательный комплекс, определявший ее социально-экономический статус. Кроме того, собственно владельческие (крепостные) крестьяне выстраивали свои отношения с помещиком на основе барщины или оброка, что также добавляло нюансов в картину крестьянского социума.

Несмотря на свою личную зависимость (безотносительно – от помещика или от казны), крестьяне различных категорий обладали разным имущественным статусом. Казенные, удельные и тем более свободные крестьяне на момент реформ уже были вовлечены в рыночный оборот, в частности посредством приобретения земли в собственность. Например, начиная с 12 декабря 1801 г. – момента выхода Указа «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли» [2] – и до 1861 г. 268 473 казенных крестьянина Европейской части России приобрели около 1 113 281 десятины в частную собственность [3].

И даже владельческие крестьяне участвовали в формировании собственного земельного фонда, приобретая земельные участки на имя своих помещиков. На 1877 г. количество таких земель составляло 5 млн десятин и, кроме того, было зарегистрировано 763 тыс. десятин, приобретенных сельскими обществами [4, с. 584].

Оброчные земледельцы также постепенно вовлекались в рыночный оборот. Характерным явлением в первой половине XIX в. в России стало сокращение крестьянских наделов и увеличение объема повинностей крестьян.

8 ноября 1847 г. вышел Указ, позволявший крестьянам выкупаться вместе с землей, если имения, в которых они живут, заложены и продаются с аукциона за долги [5].

Следует предположить, что Указ от 8 ноября 1847 г. был достаточно популярным среди крестьян, поскольку его текст вызвал недовольство среди

дворянства. Особенное нареkanie вызывало то обстоятельство, что крестьянин мог не только приобретать собственность, но и становиться свободным от помещика просто потому, что сам или совместно с миром собирал необходимые средства для выкупа заложенного имения или его части. Тем самым как бы устранялось проявление помещичьей воли в отношении факта освобождения крестьянина. Поэтому через восемь месяцев, 19 июля 1849 г., было издано «Положение о порядке описи, оценки и публичной продажи имущества», которое определило, что наряду с выкупом для завершения сделки требуется еще и согласие помещика или кредитного учреждения [6]. Стоит ли удивляться после этого тому, что Указ от 8 ноября 1847 г. был фактически сведен «на нет».

Переходя к анализу дворянского землевладения, следует отметить, что в работах исследователей последних лет наблюдается все больше сомнений относительно наличия в дворянской среде устойчивых традиций собственности на землю. С одной стороны, это естественное колебание исследовательского маятника, когда взамен одной преобладающей концепции на арену выходит другая. С другой стороны, если смотреть на это утверждение как на фактор преодоления антагонизма между дворянским и крестьянским сословиями, то следует отметить прозорливость Ю. М. Лотмана, отмечавшего, что к началу XIX в. «...бытовая оторванность среднего нестоличного дворянина от народа не должна преувеличиваться» [7].

Это утверждение может подкрепляться значительным количеством фактического материала. Например, в исследовании проблем давностного владения в русском гражданском праве И. Е. Энгельмана прослеживается стремление считать, что ни на Руси, ни в России не сформировано традиций этого владения для доказывания права собственности. Между тем именно давность дает возможность не только создавать устойчивые законодательные правила в отношении права собственности, но и формировать определенный уровень правовой культуры, превращаясь из правовой нормы в правовую привычку, даже в обычай.

Крестьянский мир также не был един в отношении к данному понятию. Давность владения не всегда рассматривалась как источник права, ибо, по мнению дореволюционного исследователя крестьянского права П. С. Цыпкина, «... крестьяне отлично знают, что право и сила – удел лишь бодрствующих» [8, с. 105]. Земля, по крестьянским воззрениям, не должна была пустовать, даже если она формально принадлежала какому-либо лицу, но находилась в заброшенном состоянии. В этом смысле давность у крестьян соприкасалась с понятием завладения.

Захваты земель имели широкое распространение тогда, когда существовали свободные земли. Но и впоследствии заимка в ряде случаев также применялась, особенно если в сельском обществе существовали разногласия по конкретному участку: «... кто первый захватил полосу, тот ею и владеет» [8, с. 112].

Этот частный случай особых правовых традиций в отношении собственности доказывает, что и крестьяне, и дворяне не были непримиримыми антагонистами в отношении права собственности. Не случайно поэтому Р. Пайпс утверждает: «На Западе условное землевладение предшествовало появлению абсолютизма; с ростом национальной монархии и централизованного государства условное землевладение превратилось в прямую собствен-

ность на землю. В России аллодиальная¹ собственность существовала, лишь покуда там не было монархии. Сразу же после своего появления монархия принялась за ликвидацию аллодиальной собственности, заменяя ее условным землевладением, зависящим от государственной службы» [10].

Несмотря на то, что после 1762 г., после слияния понятий «поместье» и «вотчина» все дворяне стали считаться частными собственниками на землю, структура законодательства, система хозяйствования, а также психологические стереотипы еще долго не позволяли помещикам чувствовать себя в полной мере независимыми собственниками. Манифест 1762 г. и Жалованная грамота дворянству 1785 г. породили любопытное явление: с одной стороны, наметился рост дворянского землевладения, а с другой – отмечалась его чрезвычайно низкая наследственная преемственность и большая раздробленность владений.

Дворяне были объективно настроены и на интенсификацию хозяйствования, и на извлечение максимальной доходности минимальными средствами, и просто на формирование свободного рынка земли. Однако до реформы 1861 г. существовали ограничения именно на свободную куплю-продажу имений, прежде всего иностранцами, а внутрисословный рынок не мог в достаточной степени создать баланс между спросом и предложением.

Если же рассматривать степень взаимодействия крестьянина и дворянина, на повестку дня выходят два принципиальных вопроса: к кому был прикреплен крепостной (к помещику или к земле) и имел ли право крепостной крестьянин владеть землей как частный собственник?

Факт, что подобные вопросы могли возникнуть, наводит на мысль о непоследовательной правительственной политике в отношении дворянско-крестьянского взаимодействия. Именно взаимодействия, поскольку, несмотря на безусловный социальный антагонизм и разность интересов, и дворяне (особенно мелкопоместные), и крестьяне оказались равно вовлеченными в экономико-правовой процесс, предлагаемый государством, и равноудаленными от возможности повлиять на него.

Отвечая на первый вопрос, отметим, что помещик был безусловным собственником крестьян (особенно в конце XVIII – начале XIX вв.).

Так, в ст. 440 и 457-й Свода законов о состояниях было сказано, что помещик имеет право обращать своих крестьян в вольные хлебопашцы с возмездной уступкой права собственности на землю. Однако в п. 3 ст. 442 были внесены изменения и дополнения, в которых отмечалось, что эта уступка является исключительно правом, но не обязанностью помещика, ибо на первом месте всегда должно стоять сохранение целостности вотчинной помещичьей собственности. Поэтому по желанию собственника крестьяне получали от него участки земли в пользование за условленные повинности².

В то же время чуть ранее в других документах было прямо сказано, что помещик не имеет право принимать по сделкам людей без земли, равно как и отчуждать их по купчим и дарственным записям отдельно от семей [12].

Цивилисты также не были едины в отношении того, к кому прикреплен крестьянин. В. О. Ключевский попытался соединить две позиции, утверждая,

¹ Аллод (Allodium), в противоположность лену, означало в средние века имение, принадлежащее владельцу на праве независимой собственности [9].

² Поправки были внесены Указом об обязанных крестьянах от 2 апреля 1842 г. [11].

что 1649 г. положил начало прикреплению лица и к земле, и к землевладельцу [13], хотя по отношению к разным категориям крестьян могли применяться различные виды зависимости.

В этой связи несколько иной смысл приобретает фраза Герцена: «Право каждого на пожизненное право обладания землей до того вросло в понятия русского, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленного в крепость, оно выразилось, по-видимому, бессмысленной поговоркой: Мы господские, а земля наша» [14]. У крестьян было основание говорить так на основе не только обычного, но и государственного права.

Отсюда возникает не менее важный вопрос: имел ли право крепостной крестьянин владеть землей на основе частной собственности?

С одной стороны, крепостной объективно не мог быть собственником земли, поскольку сам был фактической собственностью помещика, а с другой – имел на это право хотя бы на основании уже упоминавшегося Именного указа Александра I «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли» от 12 декабря 1801 г.

Конечно, помещик мог закрывать глаза на то, что рядом с ним ведет хозяйство собственник, фактически являющийся его рабом. Однако он был не в состоянии ставить себя и крестьянина-собственника в равные условия в случаях судебных или внесудебных споров, особенно если крестьянин был именно его крепостным. Такое признание автоматически лишало помещика права верховной собственности прежде всего на землю (пусть даже и номинального, если признать тезис, что истинное право верховной собственности принадлежит государству).

Речь идет даже не о том, мог ли или не мог крепостной свободно распоряжаться своей землей. Весь уклад и дворянской, и крестьянской жизни был «условным», ограниченным. Ни крестьянин не мог быть до конца уверен в гарантированности условий труда и распределения продукта, ни помещик не был вполне убежден, что при возникновении судебной коллизии останется безусловным собственником имущества. Ранее в отечественной историографии такая ограниченность «феодальной» собственности признавалась только в отношении крестьян. Получалось, что что между помещиком и крестьянином существовал не только антагонизм, но и система взаимодействия, выражавшаяся как в отношениях «хозяин–раб», так и в системе патриархально-православных традиций, прежде всего в Европейской части России. Нельзя идеализировать русского крестьянина, якобы видевшего в барине только отца и господина, но нет необходимости замыкаться в утверждении о повальном стремлении крестьян к «черному переделу».

Комплекс преобразований, начатый в 1861 г., в равной степени изменил мироуклад как крестьян, так и дворян. В отечественной историографии долгое время акцентировалось внимание на негативных аспектах реформирования и на его противоречивом восприятии основными фигурантами преобразований данного процесса. Естественно, что в пореформенном состоянии земельных правоотношений крестьяне видели новое крепостное право – уже для земли. Освобождение без земли не принесло ожидаемого крестьянами эффекта и в отношении их личного освобождения, поэтому лозунг «Как дали волю нам, так должны дать ее и земле» свидетельствует о том, что крестьянское обычное право натолкнулось на право государственное.

Если дореформенную систему правоотношений и общественных связей можно условно считать феодальной, то реформа несла в себе западную модель модернизации государственных, социальных и правовых институтов, вершиной которой должно было стать гражданское общество капиталистического образца с ориентированием на постулаты романо-германской правовой семьи. Как следствие, «разрушение этого архаического порядка имело двойные последствия: оспаривая частнособственнические притязания помещиков на исключительное распоряжение поместной землей, крестьяне начинали помышлять о закреплении собственного права на землю» [1]. Однако для этого крестьянами было необходимо уяснить себе, на основании какой правовой парадигмы следует выдвигать свои собственнические притязания. Нельзя забывать и о том, что и само правительство, равно как и наука, после 1861 г., по сути, открыли для себя и крестьянское обычное право, и крестьянский мир в целом. Таким образом, в ходе реформ предстояло соединиться трем типам мировоззрения: государственно-бюрократическому, научному и обывательскому.

Следует отметить, что крестьянское понимание права собственности – это отдельная тема исследований отечественных правоведов, экономистов, социологов. Как правило, в работах сразу оговаривалось, что «...в связи с незначительным количеством встречающихся в крестьянском быту ценностей не могло создаться благоприятных условий для образования в народной психике определенных воззрений на владение и собственность» [8, с. 100]. В деревне, по мнению исследователей, безусловно, отличали «свое» от «чужого», однако крестьянам были совершенно чужды официально принятые составляющие: владение, пользование и распоряжение. Крестьянам «...вовсе не чуждо понятие о собственности как о такой форме обладания, в силу которой владельцу земли принадлежат исключительные права на все ее произрастания...» [15]. Однако приведенные высказывания могут свидетельствовать не об отсутствии понимания собственности, как это предполагалось, а о своеобразном отношении к ней. Причем источник этого своеобразия следует искать в характере экономико-правовой жизни крестьян. Исследователи отмечали, что в деревне основным элементом собственности выступает не владение, а пользование.

Необходимо заметить, что это не совсем так. Крестьянин, безусловно, не только отличал свое от чужого, но и был в состоянии осуществлять сложные хозяйственные операции, в том числе обходя закон. Например, Кауфман, подробно анализируя правовые и экономические особенности крестьянской земельной аренды, отмечал, что крестьяне скрывают факт сдачи и съема земли в аренду. Делалось это в том числе затем, чтобы сохранить у окружающих убеждение относительно собственного малоземелья [4, с. 585].

Более того, крестьяне четко разделяли для себя даже различные категории права собственности на землю. Например, П. С. Цыпкин отмечал, что крестьяне не смешивали понятия «выкупной» земли, которая становилось собственностью по выкупу, и «купчей, купеческой», которая приобреталась в рамках общегражданских сделок [16]. Из этого наблюдения делался вывод, что крестьяне не имеют четкого осознания, что именно является собственностью; они просто определяют социальный класс собственника «купчей» земли, называя его барином.

Однако это проблема несколько глубже, чем может показаться сначала. Поскольку надельная земля являлась как бы неотъемлемой частью самого крестьянина, быть ее собственником считалось абсолютно естественно. При этом крестьянин не значился богатым, поскольку не вкладывал капитал в покупку, а именно выкупал то, что и так считал своим. Если же у него были дополнительные средства, он мог себе позволить прикупить землю, так сказать, сверх нормы и тем самым стать «барином», т.е. зажиточным. Причем в этом вопросе важен не размер этой «нормы», а статус земли. «Норма» – это вся надельная земля, сколько бы ее ни было. Остальное (пусть даже малый размер) – сверх нормы.

Естественно и то, что крестьянин говорил по отношению к выкупной земле, что «пользуется ею», а по отношению к купчей – «владеет». Тем самым он хотел подчеркнуть, что выкупная земля связана с тяглом, с выполнением земледельческих или иных сельскохозяйственных повинностей (в прошлом или нынешнем их состоянии), а купчая – это его непосредственный капитал.

Данный факт есть доказательство качественно иного отношения крестьянина к понятию «собственность» по сравнению с его традиционной романо-германской трактовкой. Если классическое определение акцентирует внимание на пределах полномочий собственника (владение, пользование, распоряжение), то крестьянское понимание собственности основано на том, какая цель преследуется при приобретении права собственности: общественная (тягловая) или личная. Тягловая земля была необходима для несения повинностей (безотносительно для кого: помещика, государства или другого собственника), а купленная служила для поддержания благополучия самого крестьянина и его семьи.

Для определения крестьянского мировоззрения в отношении права собственности можно даже предложить термин – «интуитивное правосознание», поскольку и сама система права в России делилась на публичную и частную сферу, а собственность лежала на стыке этих сфер. Крестьяне же, в массе своей не будучи осведомленными об этом, относились к собственности и как к публичному институту, и как к частному.

Тенденция соединения аграрного вопроса с вопросом собственности неизбежна для России. При этом у каждой проблемы имеются свои истоки и свой процесс урегулирования. Так, А. Н. Медушевский, современный российский социолог и историк, выдвинул свою концепцию изучения аграрного вопроса в России. Он отмечал следующее: «Там, где присутствует осознание несправедливости существующей системы распределения земельных ресурсов, независимо от реальной ситуации в экономике страны, – существует аграрный вопрос. Там, где такое осознание отсутствует, – аграрного вопроса, во всяком случае как социального феномена, не существует даже при наличии экономически неэффективной и политически необоснованной правовой системы земельной собственности» [17].

Развивая мысль А. Н. Медушевского, необходимо отметить, что та масса крестьянства, которая не стремилась к активному вовлечению в рыночные отношения, рассматривала собственность как новое обременение хотя бы потому, что не получала качественно иного объекта своих прав, кроме того, что уже был у нее ранее. Вместе с тем у новоиспеченного собственника возникали дополнительные обязанности (платежи, размежевание), которые в атмо-

сфере перманентной трансформации законодательства трудно было исполнять добросовестно. Поэтому зачастую в процессе получения собственности личность видела лишь бремя, которое необходимо исполнить во избежание больших проблем со стороны государства. Но даже социально и экономически активные крестьяне противились обязательной государственной легализации и включению собственности в сферу фискальных интересов государства, стремясь вывести как можно больше объектов из поля зрения государства в лице местных чиновников.

И в дворянской, и в особенности крестьянской среде сформировалась категория людей, заявивших о себе как о носителях новой социально-экономической парадигмы – самостоятельной личности, в той или иной степени вовлеченной в рыночные отношения и сочетающей обязанности, налагаемые государством, с сохранением личного благополучия.

Однако то, что российский обыватель был готов к переменам, не снимает остроты общественных конфликтов того периода. Процесс реформирования не принес удовлетворения ни одной из сторон, ибо для каждого социального страта он был сопряжен с системной переоценкой ценностей и общественным дискомфортом. Это был не столько антагонизм (крестьяне против государства, дворяне против крестьян и государства), сколько своеобразная игра, где каждый стремился скрыть от другого свои истинные намерения. И тогда, и сегодня реформа 1861 г. и последующие за ней годы практически непрерывных преобразований обросли стойкими мифологемами. До сих пор остаются дискуссионными такие принципиальные вопросы, как степень закрепощенности и последующей освобожденности крестьянина, уровень вовлеченности его в экономические отношения середины XIX в., наличие действительного или мнимого малоземелья и т.д.

Между тем нельзя абсолютизировать факт социального конфликта того периода, ибо эффективность и прочность института собственности проявляется как раз в такие переломные исторические моменты. Более того, сам процесс самозащиты или государственной защиты собственности, поиск собственником своего места в ряду других экономико-правовых субъектов, формирование культуры права собственности и являются той «искрой зажигания», благодаря которой образуется энергия, необходимая для дальнейшего общественного развития.

Российская интеллектуальная среда того периода не только понимала важность проблемы собственности, но и взяла на себя груз по осознанию российских традиций ее понимания, прежде всего внутри обычного крестьянского права, а также по определению места западноевропейским новациям в отечественной юриспруденции, экономике, социологии, философии. В науке формируется взгляд на собственность как на многоуровневую проблему. В то же время тема собственности становится ключевой при формировании политических программ многих партий и движений, поскольку политические деятели увязывают вопросы власти и собственности воедино.

Список литературы

1. **Гордон, А. В.** Хозяйствование на земле – основа крестьянского мировосприятия / А. В. Гордон // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 66–67.
2. ПСЗРИ. Собрание 1. Т. XXVI. № 20 075.

3. **Вешняков, В.** Крестьяне-собственники в России / В. Вешняков. – СПб., 1858. – С. 10–11.
4. **Кауфман, А. А.** Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства / А. А. Кауфман // Антология социально-экономической мысли России. Дореволюционный период. – М. : Издательство РХГИ, 2000.
5. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXII. № 21 689.
6. ПСЗРИ. Собрание 2. Т. XXIV. № 23 405. § 186, 188.
7. **Лотман, Ю. М.** Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX в. / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры. – М., 1996. – Т. IV. – С. 276.
8. **Цыпкин, П. С.** Приобретение имущественных прав в крестьянском быту / П. С. Цыпкин // ЖМБ. – 1991. – № 1.
9. Словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб., 1890. – Т. 1 А(1).
10. **Пайпс, Р.** Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независимая газета, 1993. – С. 231.
11. ПСЗ. Собрание 2. Т. XVII. Отд. 1. 15 462.
12. Указ от 2 мая 1833 г. // Памятники истории крестьян XIV–XIX вв. – М. : Издание Н. Н. Ключкова, 1910. – С. 212.
13. **Ключевский, В. О.** Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Пг. : Лит.-изд. отд. Наркомпроса, 1918. – Ч. III. – С. 227–228.
14. **Герцен, А. И.** Русские немцы и немецкие русские / А. И. Герцен // О социализме. Избранное. – М., Наука, 1974. – С. 505.
15. **Пахман, С. В.** Обычное крестьянское право в России / С. В. Пахман. – СПб., 1877. – Т. 1. – С. 25.
16. Быт крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). – СПб. : Издательство европейского дома, 1993. – С. 94.
17. **Медушевский, А. Н.** Проекты аграрных реформ в России XVIII – начала XX века / А. Н. Медушевский. – М. : Наука, 2005. – С. 11.

Федорова Наталья Александровна
кандидат исторических наук,
преподаватель, кафедра гражданского
права, Современная гуманитарная
академия (Московская область,
филиал в г. Пушкино)

E-mail: melon70@rambler.ru

Fedorova Natalya Alexandrovna
Candidate of history, lecturer,
sub-department of civil law,
Modern Humanitarian Academy
(Moscow Region, affiliated
branch in Pushkino)

УДК 63.3(2).51

Федорова, Н. А.

К постановке проблемы собственности накануне и в ходе реформ 1861 г. / Н. А. Федорова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 3 (11). – С. 13–22.